

Постсоветское пространство

DOI: 10.31249/kgt/2022.05.08

Белорусская национальная культура и дебаты вокруг нее в современной Беларуси

Игорь Игоревич БАРИНОВ

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела Европы и Америки

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)

Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418

E-mail: ingobarinov@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0154-1506

ЦИТИРОВАНИЕ: Баринов И.И. Белорусская национальная культура и дебаты вокруг нее в современной Беларуси // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. Т. 15. № 5. С.151–162.

DOI: 10.31249/kgt/2022.05.08

Статья поступила в редакцию 11.08.2022.

Исправленный текст представлен 01.10.2022.

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются дискуссии различных белорусских общественных и политических акторов о роли и месте национальной культуры в процессе национального и государственного строительства в Республике Беларусь. В силу ряда исторических обстоятельств формирование национального самосознания началось на белорусской территории сравнительно поздно и во многом не завершено до сегодняшнего дня. Помимо этого, нынешняя Беларусь изначально представляла собой пограничный регион, где бытовали самые разные культуры, идеологии, общественные течения и политические проекты. Эта ситуация во многом способствовала тому, что единого понимания белорусской национальной культуры не существует,

а относительно ее наполнения идут постоянные споры. В настоящем контексте изучены два обобщенных политических дискурса современной Беларуси, которые условно обозначены как «нонконформистский» и «правительственный». Сторонники каждого из них предлагают собственное видение национальной культуры как политического инструмента. В первом случае она вписывается в «европейскую цивилизацию» и наполняется смыслами, взятыми из исторического развития и современного общественного устройства «старых» национальных государств Европы. При этом ее собственно белорусское наследие заметно редуцируется, порой вплоть до языка. Во втором случае, напротив, в качестве главной идеи подается обретенный после

1991 г. государственный суверенитет, который подается как высшее проявление национальной культуры. Глубокий анализ обоих дискурсов обнаруживает их структурную схожесть и идейную незавершенность. Стремление обеих сторон предложить работающую национальную идею наталкивается на ряд серьезных проблем, таких как устаревшие представления о процессах складывания нации и оперирование умозрительными категориями в политическом теоретизировании.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Республика Беларусь, белорусская национальная культура, белорусская государственность, нациестроительство.

Вопрос о феномене белорусской культуры, ее формах и траекториях развития является, вероятно, наиболее проблемным и противоречивым для белорусского общества как в Республике Беларусь, так и за ее пределами. Духовное наполнение данной культуры и способы ее повседневной реализации становятся предметом постоянной, порой весьма острой дискуссии. Стоит отметить, что в центре обсуждения находятся не столько абстрактные мировоззренческие категории, сколько вопросы реального нациестроительства и самого существования белорусской нации.

Как известно, невозможно подобрать универсальное определение самого понятия «культура». Любая подобная попытка всякий раз будет наталкиваться на субъективизм говорящего и его изначальные установки. В настоящем контексте под понятием «культура» будет пониматься «совокупность действий, взглядов и мыслей, характерная для некой группы и санкционированная ею внутри себя» [Уладыкоўская, 2017, с. 164]. Как и

в других подобных случаях, здесь следует говорить об определенной иерархии смыслов. На самом верху находится представление о белорусской культуре как совокупности смыслов, способных сформировать основу национальной государственности. На следующей ступени находятся элементы культуры, которые служат основой для возникновения национального самосознания, в том числе способы «выражения ментальности» и формирования «национального эстетического идеала» [Уладыкоўская, 2017, с. 160–161]. Наконец, в основе данной пирамиды лежат те паттерны, которые принято относить к этничности: общность происхождения и территории, практики повседневности, коллективная психология и дихотомия «мы – они».

В современной Беларуси существуют две условные политические силы: «власть» и «оппозиция/нонконформисты», – которые продвигают собственное видение белорусской национальной культуры, прежде всего относительно ее роли в политике и государственном строительстве. Можно говорить, что это своеобразная попытка найти соотношение «нации общей культуры» и «нации, способной построить и поддерживать государство» (*Kulturnation/Staatsnation*, в терминологии Р. Козеллека). В первом случае цементирующими признаками выступают этнокультурные особенности, во втором – общественно-правовое сознание [*Geschichtliche Grundbegriffe*, 1992, р. 141–431]. Важным моментом здесь является то, что обе стороны стремятся найти ответ на вопрос, может ли *Kulturnation* перетечь в *Staatsnation* в условиях различной природы данных понятий. Такое положение, в свою очередь, порождает иную проблему, связанную с наполнением самого термина «белорусская культура».

Существует ли белорусская культура?

Сложность выработки универсальных критериев белорусской культуры напрямую связана с определением того, кто такие белорусы. Среди специалистов уже достаточно давно ведутся дискуссии относительно характеристик данной идентичности в разные периоды истории [Кравцевич, Смоленчук, *Токть*, 2011, с. 89–108]. Большинство из них сходятся во мнении, что белорусы – это один из наиболее поздних (если не самый поздний) национальных проектов в Европе. В силу ряда причин они вступили на путь нациестроительства в условиях практически полного отсутствия элитных слоев, которые сперва подверглись глубокому влиянию польской, а затем и русской культуры. Даже в начале XX в. белорусы жили в архаичном обществе, где система социальных связей находилась на средневековом уровне, а национальная идея была непонятна большинству населения. В качестве самоназвания при этом употреблялся целый спектр идентичностей, основанный на религиозных и территориальных принципах. В частности, популярностью пользовалось обозначение «здешний» (бел. «тутэйшы») и производное от него «тутэйшасць» для характеристики соответствующего сознания [Титаренко, 2006, с. 17].

Социальной рамкой для белорусского населения, в то время практически сплошь представленного крестьянами, стала «деревня» (бел. «вёска»). Впоследствии набор связанных с ней мировоззренческих особенностей и повседневных практик стал именоваться «вясковасць». Еще в начале 1920-х годов выдающийся славист Владимир Пичета, ректор недавно основанного Белорусского госуниверситета, писал, что социально-политическое положение

крестьянина заставляло его «держаться за свой быт, традиции и язык», сделав его тем самым «хранителем национальной традиции». Деревня, таким образом, «спасла белорусскую культуру и от ополячения, и от русификации» [Пичета, 1924, с. 18–19]. Эта идея сохранялась и в дальнейшем. Как отмечал известный белорусский культуролог Леонид Лыч, именно деревня стала для белорусов источником самобытной национальной культуры и одновременно защитой от «чуждого влияния». Среди основных элементов данной культуры Лыч называл язык, локальную историю, ландшафт и топонимику, отражавшие, по его мнению, «национальное мировидение белоруса» [Лыч, 2017, с. 70–75].

Значительную роль в нациестроительстве белорусов сыграла деятельность активистов национального возрождения конца XIX – начала XX в. Представители местной шляхты, являясь носителями польской культуры, одновременно были патриотами своего родного края. Они стали той «мобилизующей группой» [Smith, 1995, p. 57], которая начала создавать литературу на местном языке, отличном от польского и русского, и попыталась «пробудить» у местного населения историческую память о Великом княжестве Литовском (ВКЛ). В последнем случае это выразилось в попытке вернуть белорусов в число «исторических народов». В духе популярного в то время подхода так обозначились общности, обладавшие «высокой» культурой и развитой традицией государственности. Национально ориентированные авторы развивали эту идею на протяжении практически всего XX в. В зависимости от периода она колебалась от представлений о значимой роли белорусов в истории ВКЛ до придания ему белорусского характера в целом.

В рамках данной теории белорусской культуре придавалось особое «благородство» (бел. «шляхетнасць»). Его неотъемлемыми чертами, помимо прочего, были внутренняя свобода и стремление перенести на свою почву наиболее прогрессивные общественно-экономические явления своего времени. Примечательно, что на основе двух этих разнонаправленных течений – «простонародного» и «благородного» – сформировался непротиворечивый дискурс. Так, работавший в Минске в 1920-е годы Институт белорусской культуры (Инбелкульт) занимался как народным творчеством, так и замковой археологией, воспринимая и то и другое как ипостаси одного культурного наследия.

Усиление централизации советского государства, начавшееся уже в начале 1930-х годов, коренным образом изменило культурную политику в БССР. Прежний подход был фактически объявлен антисоветским и заменен универсальными принципами построения культуры как «национальной по форме – социалистической по содержанию». В результате это привело к «этнографизации» белорусской культуры, когда утилитарная повседневность изредка расцвечивалась образами из традиционного обихода. Отдельные ниши существовали для использования белорусского языка (прежде всего в книгопечатании и музыке) и иных элементов этнического наследия. Немалую роль в этом сыграла постоянно возрастающая экспансия русского языка как в город, так и в деревню. Последняя, по словам Л. Лыча, была инструментализована для нужд сельского хозяйства и перестала быть резервуаром «духовного наследия» [Лыч, 2017, с. 80–81].

С началом «перестройки» и в особенности после обретения Беларусью независимости вопрос о (ре)кодифи-

кации национальной культуры встал одним из первых. Здесь сразу же выделились два магистральных направления. Весьма условно их можно обозначить как «нонконформистское» и «правительственное». Как представляется, оба эти подхода развиваются вокруг иерархической пирамиды, упомянутой в начале статьи, с той лишь разницей, что каждая из сторон наполняет ее своими смыслами. Следует оговориться, что в данной связи речь идет, скорее, о публичной политике, поскольку в менее политизированных дискуссиях о культуре набор ее критериев может отличаться.

Белорусская культура в политическом дискурсе нонконформистов

Еще с советских времен политическое оформление культуры в представлении условно диссидентской части белорусского общества было тесно связано с идеей «возврата» к подлинно национальной истории. Соответствующие тексты, написанные зачастую в паранучном ключе, полуподпольно циркулировали в БССР вплоть до «перестройки», а после обретения страной независимости были легализованы и получили распространение в виде обычных книжных изданий.

В основе упомянутой идеи лежало намерение «вообразить» Беларусь без польского, русско-имперского и иного наследия. Впоследствии сюда добавился еще один тезис – об изначальной «европейскости» белорусов и экзистенциальной чуждости правящего режима для белорусской культуры и ментальности. Данный принцип шел в общем русле постсоветских/постсоциалистических стран Восточной Европы, где европеизация (по крайней мере, внешняя) стала бы одновременно

максимальным дистанцированием от тоталитарного прошлого.

Белорусский кейс здесь выделялся намерением ретроспективно европеизировать всё историко-культурное наследие Беларуси. Как отмечалось, уже в XIII в. белорусские земли переориентировались «на политически и культурно притягательную Европу» [Кравцевич, Смоленчук, Токть, 2011, с. 34, 47]. Ее национальное развитие в европейском духе остановилось «из-за деспотического правления российской монархии и КПСС», в результате чего белорусы стали «эрзац-нацией» без соответствующей «духовной неповторимости» [Ровдо, 2009, с. 12–16]. Аналогичным образом белорусы представлялись развитой *Staatsnation*, которая уже в Средневековье демонстрировала «выраженную национальную направленность культуры» [Гістарычны шлях..., 2007, с. 142].

Стоит отметить, что в основе данного представления лежит популярная в XIX в. теория «исторических наций». В зависимости от этой характеристики народ, обладавший «духом победителя», был способен либо не способен создать или обрести вновь собственное государство. В белорусском контексте эта теория, наряду с представлениями о «белорускости» ВКЛ, преломилась в стремлении отстоять свое право на «высокую» культуру, связанную с проживавшей на белорусских землях знатью, представленной такими знаменитыми родами, как Радзивиллы и Сапегы. Во многом этот тезис проистекает из представления, что эта часть истории была «отнята» у белорусов, и ее повторное обретение будет одновременно означать возвращение в «европейскую семью народов». Европа, в свою очередь, воображалась как некое идеальное духовное пространство и имела мало общего с текущей политической ситуацией.

Такое стремление ретроспективно сделать белорусов «исторической нацией» раз за разом вытесняло из публичного пространства «деревенскую» составляющую белорусской культуры, еще столь ощутимую у национальных активистов 1920-х годов. Отчасти это объясняется тем, что нынешняя национально ориентированная интеллигенция сформировалась в индустриальном, высоко урбанизированном русскоязычном обществе, где деревня приходила в упадок, а связи с ней становились всё слабее. Кроме того, уходу традиционной народной культуры из публичного дискурса способствовало то, что она плохо коррелировала с идеей об «историчности» белорусов. Выходом из ситуации стало продвижение белорусского языка, который при этом стал чуть ли не единственным элементом собственно народного (этнического) в этой схеме.

Белорусский язык как часть национальной культуры всегда находился в противоречивом положении. В советские времена он был окончательно кодифицирован, на его основе возникла развитая художественная литература, и он присутствовал в других сферах жизни. В некоторых случаях (в частности, в радиовещании) он мог даже преобладать над русским. Тем не менее, престиж белорусского языка был низким, поскольку социальная мобильность и карьерные возможности связывались исключительно с русским. Таким образом, белорусский язык, присутствуя в жизни общества, не мог претендовать на ведущие позиции.

Подъем национального движения на закате советской власти перевел вопрос о языке в политическую плоскость. В представлении национально ориентированных политиков стратегия действующей власти по ущемлению белорусского языка с той поры стала целенаправленной и связана

прежде всего с неприятием иной модели национального развития, кроме «неосоветской». На практике это порой выражалось в демонстративном использовании белорусского в качестве языка повседневного и делового общения, что нередко воспринималось властью в роли некой формы фрондерства и лишь вредило тем, кто пользовался белорусским языком в повседневной жизни.

Следует заметить, что эмоциональная проевропейская риторика плохо сочетается с партикуляристским настроением. На уровне политических деклараций она фактически воспроизводит парадигму начала XX в. Тогда, в ходе формирования национальных государств в Восточной Европе, многовековое межкультурное взаимодействие отрицалось с целью установления четких («этнографических» – в характеристике того времени) границ. Любое сходство с соседом подавалось в данном разрезе как пример выдающегося культуртрегерства либо становилось свидетельством иноземного порабощения. Напротив, в «классической» Европе, особенно после Второй мировой войны, конвергенция «старых» национальных государств примирила даже таких заклятых врагов, как Германия и Франция, союз которых стал фундаментом будущего Евросоюза.

С другой стороны, представления о будущей государственности, построенной на основе подлинной национальной («европейской» по духу) культуры, базировались на умозрительных категориях. Европа в данном контексте воображается как некая экзистенциальная и моральная норма, причем складывается она из преимуществ развитых европейских стран, таких как высокий уровень гражданских прав и свобод личности, а также бытовых плюсов межстрановой интеграции. Осознание себя в этой парадигме

по-прежнему строилось на противопоставлении чему-то чуждому. Если раньше это был «капиталистический мир», то теперь его заменила «реакционная диктатура», отрицающая всё белорусское и отделившая белорусов от «европейской цивилизации» [Belarus..., 2004, p. 13–35].

Итак, в условно оппозиционном/нонконформистском дискурсе белорусская культура на верхних уровнях иерархической пирамиды отображается следующим образом:

- белорусы исторически принадлежат к «европейской цивилизации» со свойственным ей набором культурных паттернов; в этом же ключе они должны реализовать свою государствообразующую функцию;

- в качестве составных частей белорусской культуры в этой связи представляются отдельные, во многом сконструированные заново явления из ее «благородной», «шляхетной» версии: личная свобода, достоинство, демократизм, высокая ангажированность в общественных процессах.

Вместе с тем основание пирамиды (собственно этническое наследие) оказывается наиболее шатким. Традиционная культура деревни, которая была аккумулирована первыми национальными «будителями», недалеко вышла за границы «этнографизма», характеризовавшего ее в советское время. В наши дни она по-прежнему бытует скорее в рамках гуманитарно-образовательных инициатив, чем в политической плоскости. По сути, единственным «рабочим» этническим элементом в данной концепции предстает белорусский язык. Из-за его слабых позиций в обществе ситуация вокруг него предельно политизируется – вплоть до того, что порой белорусу, по каким-то причинам не использующему национальный язык, отказывают в праве считаться таковым.

Стоит отметить, что это далеко не единственное слабое место описанной парадигмы. Идея возвращения Беларуси в «нормальное состояние» и повторного приобщения к европейским ценностям, таким как верховенство закона, права личности и социальная справедливость, во многом базируется на позднейшем национальном мифе о ВКЛ как продвинутой европейской стране (причем скорее в бытовом понимании), когда-то сложившейся белорусами. При подобном утилитарном наполнении национальной культуры всякий раз остается неясным, что же выделяет ее на фоне других европейских культур. Поскольку традиционная деревенская модель с соответствующим ей укладом жизни плохо вписывалась в концепцию «историчности» белорусского народа, неудивительно, что из всей сферы этнического релевантным маркером уникальности, способным стать политическим инструментом, оказался лишь язык. Стремление за счет него укрепить всю эту неустойчивую конструкцию неминуемо ведет к вакуумизации представителей указанного дискурса и болезненной реакции на любое проникновение извне. Невозможность сформировать реальную альтернативу объясняется некими экономическими, социально-демографическими и другими особенностями белорусского общества, унаследованными от «советизации и русификации» [Ровдо, 2009, с. 108–109]. В результате понятие «белорус» смещается из сферы национальной идентичности в разряд политического кредо. С одной стороны, это дает постоянный повод для обвинений со стороны властей в формировании у молодежи политической «антикультуры» [Основы..., 2004, с. 118], а с другой – по определению противоречит идеологии глобализованного Евросоюза.

Белорусская культура в представлении действующей власти

Как ни парадоксально, властный дискурс в чем-то является зеркальным отражением оппозиционного. Это объясняется как минимум тем, что они формировались в одно время и в одних и тех же условиях. При этом аналогичные явления наполняются властями более конкретным содержанием. Если в альтернативном сценарии «золотым веком» часто выступает далекий период ВКЛ, то у нынешних белорусских властей – это позднесоветское общество потребления, когда на смену бедности и массовому террору постепенно пришло спокойное и относительно сытое существование. Гражданским свободам и правам, явлению, непонятному значительной части населения Беларуси, власти противопоставляют свой набор символов, точно так же связанный с чувством сопричастности, но с акцентом на другие эмоции. С идеологической точки зрения главным нарративом выступает интегрирующая память о Великой Победе и роли в ней белорусского народа. Иногда в литературе такая концепция именуется «эгалитарным национализмом», когда каждый может наполнять реальность конкретным, близким ему смыслом [Leshchenko, 2008, p. 1420–1422].

С другой стороны, краеугольным понятием здесь выступает обретение Беларусью независимости, связанное с получением политической субъектности и международной значимости. Отталкиваясь от него, белорусские власти выстраивают собственную иерархию смыслов. Зная о традиционно множественной самоидентификации белорусов, они стремились «синтезировать» локальные типы идентичности с тем или иным универсалистским типом, соответствующим интересам белорусского

государства» [Титаренко, 2006, с. 134–135]. Таким образом на верхушке иерархии смыслов оказалось представление о суверенитете как высшей точке развития нации и одновременно отражении народного волеизъявления. По крайней мере, на символическом уровне глава государства постоянно апеллирует к народному мнению (в частности, в ходе референдумов 1995–2004 гг.), а стратегические задачи национального уровня рассматривает Всебелорусское народное собрание. В политическом отношении продвигалась трактовка понятия «белорус» как «представителя независимого белорусского государства». Критики данной идеологии отмечали, что она не имеет ничего общего с гражданским национализмом и призвана лишь поддержать и упрочить систему [Ровдо, 2009, с. 14].

Наряду с этим важным является тезис о неповторимости Беларуси и ее национальной идеи, коренящихся в верности традициям и устоям, обычаям и символам. Он нашел отражение в ряде программных заявлений, сделанных в последние годы. Так, капитальная многотомная «История белорусской государственности», вышедшая под эгидой Национальной академии наук Беларуси, открывается мыслью, что обретенный Беларусью суверенитет стал, помимо прочего, результатом «эволюции духовно-культурных ценностей белорусского народа». Именно на их богатстве «с юных лет должен воспитываться каждый гражданин Республики Беларусь». Они, по замыслу авторов, раскрывают «понимание исторического происхождения и развития белорусского этноса, неизбежность права белорусского народа на осуществление собственной национальной государственности» [История белорусской государственности, 2019, с. 3–5]. Похожие тезисы были внесены

в преамбулу к Конституции Республики Беларусь [К вопросу... 2019, с. 4] и неоднократно озвучены в нынешнем году, объявленном в стране Годом исторической памяти.

Примечательно, что попытки осознать культурные истоки национального самосознания и вытекающего из него суверенитета вне идеологического задания выглядят порой еще более эклектично, чем у оппонентов. В данном случае происходит апелляция самых различных сюжетов повседневного-бытового, этнического, социально-психологического, политического и духовного свойства. При этом излагаются они максимально размыто, нередко с использованием таких клише, как «бытие белорусского этноса», «историческое наследие», «самобытность», «генетические истоки» и многих других [Основы..., 2004, с. 356–357]. Беларусь может рассматриваться как часть «русской цивилизации», тысячелетняя историческая традиция которой имеет для нее «фундаментальное значение». Ее культурные и нравственные ценности противопоставляются разрушительному «западному утилитаризму». Иногда подобный традиционализм трактуется в более широком славянском контексте, своеобразным символом которого выступает фестиваль «Славянский базар», ежегодно проходящий в Витебске. Белорусам как части восточного славянства приписываются «коллективизм и соборность», «вера в идеал», «служение обществу», опять же противопоставленные ценностям «западного общества». При этом тут же упоминается, что на менталитет белорусов, живших между Востоком и Западом, оказал влияние протестантизм с его «строгой воздержанностью и индивидуализмом» [Основы..., 2004, с. 359–363], которые во многом сложили то самое «западное общество».

В целом данный дискурс, вне сомнения, хорошо приспособлен к изменениям политической конъюнктуры. Упомянутая эгалитарность такой версии национализма оказывается удобной для правящих белорусских элит. В этом смысле грань между двумя ступенями пирамиды – элементами культуры и ее истоками – искусственно размыта: этническое перетекает в национальное и обратно. В зависимости от ситуации власти могут беспрепятственно инструментализировать даже не конкретные элементы, а случайную выборку смыслов, циркулирующих в общественном сознании. Это делает основание пирамиды куда более прочным, чем в аналогичной неконформистской структуре.

Вместе с тем независимость Беларуси (прежде всего для внешнего наблюдателя) структурно, политически и идеологически связана исключительно с действующей властью, хотя на уровне риторики порой используются образы длинного и тернистого пути страны к суверенитету. События лета-осени 2020 г., несомненно, стали самым серьезным кризисом для режима Лукашенко за всё время его существования. Альтернативная версия политической (а в теории – и национальной) культуры при всей своей неустойчивости на некоторое время получила серьезные очки. Возможно, впервые в новейшей истории Беларуси, когда доверие к власти было поколеблено даже у традиционного электората. По прошествии двух лет можно говорить, что с идейной точки зрения ситуация во властном дискурсе стала обратно пропорциональна оппозиционной. Если в предыдущем случае шатким является основание, то здесь в слабом положении оказывается верхушка. Подход к сохранению пирамиды, однако, один и тот же – вакуумизация и сохранение статуса кво, причем с целью сохранения властного

дискурса она осуществляется весьма жесткими средствами.

Белорусская культура или белорусские культуры?

Вместо заключения

В наши дни в Беларуси существуют два основных комплекса представлений о том, что такое белорусская национальная культура. Для неконформистов ее важной характеристикой является «европейскость» (принадлежность к духовному миру, а также политическим, социальным и иным достижениям классической Европы). С этим вектором они, помимо прочего, связывают обретение целостной национальной истории и выход за пределы «этнографического заповедника», в который их заключали злонамеренные «внешние силы». Напротив, сторонники действующей идейной парадигмы ценят «стабильность» системы, ради которой готовы и в дальнейшем не вмешиваться в политические процессы. Здесь культура коренится, скорее, в повседневных бытовых практиках и привычках, а идеологическое оформление происходит за счет набора абстрактных клише, эксплуатирующих сюжеты из истории страны и этнической культуры ее населения.

Примечательно, что обе стороны упрекают друг друга в отсутствии «белорусскости». Так, с точки зрения оппозиции тот, кто поддерживает режим или, по меньшей мере, остается в стороне от происходящего, выступает носителем ментальности «денационализированной» советской республики и таким образом участвует в уничтожении того небольшого «белорусского», что еще осталось в стране. Их оппоненты, в свою очередь, подчеркивают, что из всего разнообразного и богатого белорусского наследия оппозиционеры взяли лишь этнический национализм,

а с таким трудом достигнутый национальный суверенитет готовы принести в жертву своему доктринерству. Как представляется, именно подобная ультивативность является наиболее слабым звеном и в том и в другом случае. В этом смысле неудивительно, что обе стороны порой заимствуют друг у друга фактуру и элементы риторики.

Как известно, на протяжении истории та территория, на которой впоследствии возникла Республика Беларусь, подвергалась воздействиям самых разных сил и обстоятельств. В эмоциональном смысле к ним можно (и нужно) относиться по-разному. Бесспорно, однако, то, что они обусловили широкую комбинаторность элементов идентичности. Стремление политиков установить собственную систему представлений как некий эталон не учитывает всех этих нюансов и полутонов. Более того, часто умозрительные рассуждения подменяют реальное положение вещей.

В последнее время среди белорусских интеллектуалов периодически возникает дискуссия о существовании не одной, а нескольких белорусских наций и, соответственно, культур. Имплицировано она имеет негативную окраску, поскольку предмет обсуждения не вписывается в стройную, пусть и безнадежно устаревшую теорию «одна нация – одна культура – одно государство». Между тем сам принцип перехода от *Kulturnation* к *Staatsnation* подразумевает выход за пределы привычных смыслов бытия, к другой форме общественной организации. В этом отношении носители разных культур (это касается и тех, кто имеет общее этническое происхождение) начинают мыслить в иных категориях. Сохраняя привычную культуру в сфере приватного, они одновременно вырабатывают публичный интегрирующий нарратив. Тем не менее сейчас мы можем видеть

в Беларуси, скорее, обратный процесс, и тенденции к улучшению ситуации пока что нет.

Список литературы

История белорусской государственности. Том 1 / Коваленя А., Данилович В., Голубев В., Левко О. – Минск : Беларуская навука, 2018. – 598 с.

К вопросу об исторической политике / Коваленя А., Арчаков В., Данилович В., Баньковский А. // Беларуская думка. – 2019. – № 8. – С. 3–11.

Кравцевич А.К., Смоленчук А.Ф., Токть С.М. Беларусь: нация Пограничья. – Вильнюс : ЕГУ, 2011. – 210 с.

Основы идеологии Белорусского государства / под ред. С.Н. Князева, С.В. Решетникова. – Минск : Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2004. – 490 с.

Пичета В.И. Белорусский язык как фактор национально-культурный. – Минск : Белтрестпечать, 1924. – 23 с.

Ровдо В.В. Политическая система Республики Беларусь. – Вильнюс : ЕГУ, 2009. – 351 с.

Титаренко Л.Г. Национальная идентичность и социокультурные ценности населения в современном белорусском обществе. – Минск : Республиканский институт высшей школы (РИВШ), 2006. – 144 с.

Belarus: Catching up with Europe / ed. A. Komorowska, B. Kuzawińska. – Warsaw : Stefan Batory Foundation, 2004. – 63 p.

Geschichtliche Grundbegriffe / Hrsg. R. Koselleck. Bd. 7. – Stuttgart : Klett, 1992. – 774 S.

Leshchenko N. The National Ideology and the Basis of Lukashenka Regime in Belarus // Europe-Asia Studies. – 2008. – N 8. – P. 1419–1433.

Smith A.D. Nations and Nationalism in a Global Era. – Cambridge : Polity Press, 1995. – 216 p.

Гістарычны шлях беларускай нацыі дзяржавы / Біч М. [и др.]. – Мінск : Медисонт, 2007. – 203 с. – Белорус. яз.

Лыч Л.М. Проблемы гарманізацыі нацыянальнага і інтэрнацыянальнага ў культуры Рэспублікі Беларусь (1991–2015 гг.). – Мінск : б. в., 2017. – 87 с. – Белорус. яз.

Уладыкоўская Л.М. Духоўнасць грамадства і глабалізацыя: як трансфармуецца беларуская нацыянальная культура? – Мінск : Рэспубліканскі інстытут вышэйшай школы (РІВШ), 2017. – 286 с. – Белорус. яз.

The Post-Soviet Space

DOI: 10.31249/kgt/2022.05.08

The Belarusian National Culture and Its Dimensions in the Modern Belarus

Igor I. BARINOV

Cand. of Sc. in History, Leading Researcher, Department of Europe and America Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)

Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418

E-mail: ingobarinov@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0154-1506

CITATION: Barinov I.I. (2022). The Belarusian National Culture and Its Dimensions in the Modern Belarus // *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. vol. 15, no. 5, pp. 151–162 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2022.05.08

Received: 11.08.2022.

Revised: 01.10.2022.

ABSTRACT. *The article studies the discussions of various Belarusian social and political actors on the role and place of national culture in the process of national and state building in the Republic of Belarus. Due to a number of historical issues, the formation of national identity on the Belarusian territory began relatively late and, in many ways, has not been completed yet. Furthermore, the territory of present Belarus was originally a frontier region where a variety of cultures, ideologies, social and political projects developed and coexisted. This situation has largely contributed to the fact that there is a lack*

of common sense of the Belarusian national culture, and sometimes the debates about its characteristics occur to be hot. In this context, two main political discourses of modern Belarus, conventionally marked as “nonconformist” and “governmental”, are evaluated. Each time their supporters promote their own visions of national culture, striving to use them as a political tool. In the first case, national culture is understood within the framework of “European civilization”, together with “old” national states of Europe, their historical background and current social development. However,

the Belarusian ethnic heritage is noticeably being reducing, sometimes up to the language. On the contrary, in the second case, the main national idea is the state sovereignty gained after the collapse of the Soviet Union in 1991, which at the same time symbolizes the manifestation of national culture. A deep analysis of both discourses reveals their structural similarity and ideological incompleteness. The desire of both groups to offer a functioning national idea faces a number of serious problems, such as outdated ideas about the processes of nation-building as well as operating with speculative categories in political theorizing.

KEYWORDS: *The Republic of Belarus, Belarusian national culture, Belarusian statehood, nation-building.*

References

- Belarus: Catching up with Europe* (2004). Komorowska B., Kuzawińska A. (eds.). Warsaw : Stefan Batory Foundation, 63 pp.
- Geschichtliche Grundbegriffe* (1992). Koselleck R. (ed.). Bd. 7. Stuttgart : Klett, 774 pp. (in German).
- Gistarychny shliakh... (2007). Bich M. [et al.]. *The historic path of the Belarusian nation and state*. Minsk : Medisont, 203 pp. (in Belarusian).
- Istoriya belorusskoy gosudarstvennosti (2018). Kovalenya A. [et al.]. *History of Belorussian Statehood*. Vol. 1. Minsk : Belaruskaya navuka, 598 pp.
- Kravitsevich A.K., Smolenchuk A.F., Tokt' S.M. (2011). *Belarusians: A Nation of the Borderlands*. Vilnius : EHU, 210 pp. (in Russian).
- K voprosu... (2019). Kovalenya A. [et al.]. About the question of historical policy. *Belaruskaya Dumka*, no. 8, pp. 3–11.
- Leshchenko N. (2008). The National Ideology and the Basis of Lukashenka Regime in Belarus. *Europe-Asia Studies*, no. 8, pp. 1419–1433.
- Lych L.M. (2017). *The problems of national and international harmonization of the culture in the Republic of Belarus (1991–2015)*. Minsk : publisher not identified, 87 pp. (in Belarusian).
- Osnovy... (2004). Knyazev S.N., Reshetnikov S.V. (eds.). *The foundations of the ideology of the Belarusian state*. Minsk : Academy of Management under the President of the Republic of Belarus, 490 pp. (in Russian).
- Picheta V.I. (1924). *The Belarusian Language as a national-cultural factor*. Minsk : Beltrestpechat, 23 pp. (in Russian).
- Rovdo V.V. (2009). *The political system of the Republic of Belarus*. Vilnius : EHU, 351 pp. (in Russian).
- Smith A.D. (1995). *Nations and Nationalism in a Global Era*. Cambridge : Polity Press, 216 pp.
- Titarenko L.G. (2006). *National identity and socio-cultural values of the population in modern Belarusian society*. Minsk : Republican Institute of Higher Education (RIVSH), 144 pp. (in Russian).
- Uladykovskaya L.M. (2017). *The spirituality of the society and globalization: how the Belarusian national culture is transformed*. Minsk : Republican Institute of Higher Education (RIVSH), 286 pp. (in Belarusian).